

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

*Солженицынские тетради: мат.
и исслер. — М.: Русский путь, 2014.*
АРХИВНЫЕ НАХОДКИ — *вып. 3.*

Публикация, подготовка текстов,
предисловие и примечания Г.А. Тюриной

Публикуемые ниже статьи основаны на материалах, хранящихся в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Первая составлена по письмам, обнаруженным в личном фонде А.Я. Яшина. В основе второй лежит, напротив, *не находка*, отсутствие каких бы то ни было материалов, связанных с Солженицыным, там, где они должны были присутствовать, а именно — в архиве И.Н. Медведевой-Томашевской. Обе публикации дополнены материалами архива писателя в Троице-Лыкове.

Приносим глубокую благодарность Наталии Дмитриевне Солженицыной и сотрудникам отдела рукописей Российской государственной библиотеки за предоставленную возможность изучения и публикации документов.

«ПУСТЬ НАСТУПАЮЩИЙ НЕ БУДЕТ СЛИШКОМ ЗЛЫМ!»:

К истории письма А.И. Солженицына к А.Я. Яшину

Письмо Солженицына Александру Яшину, написанное 11 июля 1968 года, в последний день жизни поэта, часто упоминается в посвященной ему новейшей биографической литературе¹. Фрагменты солженицынского письма неоднократно публиковались в разного рода изданиях² и, кроме того, прозвучали в документальном фильме «Босиком по земле», созданном на телеканале «Культура» к 100-летию со дня рождения Яшина³. В теплых, сочувственных строках письма, которого адресат уже не успел прочесть, сформулировано жизненное кредо Солженицына: цель земного бытия человека — непрерыв-

¹ См., напр.: *Шеваров Д.Г.* Колокол сердца: 27 марта исполняется 100 лет со дня рождения Александра Яшина // *Российская газета: Неделя.* 2013. 21 марта. № 6037 (61).

² Полный текст письма напечатан впервые в воспоминаниях дочери поэта: *Яшина Н.А.* «Из распутия, из бездорожья...» // *Север.* 1989. № 7. С. 119–120. Из последних публикаций: *Берсенева М.В.* Александр Солженицын: «Автор «Рычагов» навсегда останется в мировой литературе» // *Красный Север.* 2013. 13 марта. № 42.

³ Режиссер Владимир Дав. Демонстрировался впервые 27 марта 2013 на телеканале «Культура».

ное духовное развитие, устремленность вверх, к небу. Сходные мысли и чувства живут в зрелых сочинениях Яшина, с их напряженным поиском зрениа души.

Имя Александра Яковлевича Яшина (1913–1968) сегодня, к сожалению, мало знакомо молодому читателю, старшее же поколение хорошо помнит, какой мощный общественный резонанс вызвали его рассказы и очерки о послевоенной советской деревне. «Рычаги» (Литературная Москва. 1957. № 2) и «Вологодская свадьба» (Новый мир. 1962. № 12) одними читателями были встречены благодарно как веяние свежего воздуха среди привычной недвижимой затхлости официальной печати, другими — злобно, как клевета на советскую действительность⁴. Большинство официальных критиков называли эти произведения *серьезным срывом* в творчестве Яшина⁵. И в самом деле, прежде лауреат Сталинской премии писал совсем иначе. Рано оставивший малую родину уроженец вологодской деревни вполне успешно продвигался по обычному для советского литератора пути, славил революцию, социалистическое строительство и подвиги новых героев⁶. В центре поэмы «Алена Фомина», отмеченной в 1950 году высшей наградой страны, — председатель колхоза, твердой рукой ведущая вперед вверенное ей хозяйство⁷.

Поэма эта неожиданно сыграла очень важную роль в судьбе автора. Вот как рассказывал о том младшему товарищу сам поэт: «Получил я премию за “Алену Фомину”, купил “Победу” и поехал к своим землякам-вологодцам хвастаться. Собрать дань славы. Приехал, а там голод... До сих пор как вспомню, так и краснею»⁸. Столкнувшись со страшной реальностью народной жизни, Яшин отводит взор от передовой идеи и обращает его на человека. И, неизбежно, — внутрь самого себя. При собственном внешнем благополучии любовь к родной земле и сострадание к людям пробудили в нем то, что он сам назвал *зрением души*. Изменилась и форма его работы: прежде писавший только стихи, он обратился и к прозе. Его рассказы и повести конца 1950-х – 1960-х — зарисовки повседневной жизни разных представителей

⁴ О реакции на эти сочинения см., напр.: Солоухин В.А. Дорогой совести к правде... // Яшин А.Я. Земляки. М., 1989. С. 7.

⁵ Негативные отклики на «Рычаги» появились во многих периодических изданиях, в том числе — региональных. Приведем характерный пример проработочной критики: «Автор выдает за коммунистов — проводников партийной политики в деревне заурядных обывателей с очень узким кругозором...» (Дон. 1957. № 2. С. 159–160).

⁶ В книге Яшина «Северянка» (1938) помещены стихотворения «Чалаевцы», «Так начиналась молодость». В 1940 году была опубликована посвященная коллективизации поэма «Мать». И все же одним из основных мотивов лирики Яшина была любовь к родному краю; см., напр., стихотворение «Я давно на родине не был...» (1918).

⁷ Яшин никогда эту поэму не переиздавал.

⁸ Цит. по: Солоухин В.А. Дорогой совести к правде... С. 6.

современной ему деревни (реже — города) — подчас не менее страшные, чем лагерь, описанный в «Одном дне Ивана Денисовича». Разделенные ключей проволокой яшинская *воля* и солженицынская *неволя* являют собой один и тот же уродливый и жестокий антимир, подчиненный человеконенавистнической идеологии, отменившей естественный уклад русской жизни. Если воспетая в 1949 году энергичная и успешливая Алена Фомина — антипод горемычной Матрены, то Баба Яга, героиня одноименной повести, написанной десятью годами позже, явно сродни солженицынской праведнице.

Внутренняя метаморфоза определила особое место Яшина в современной ему литературной среде, вывела его из ряда унылых «классиков» социализма. Доброе дружеское взаимопонимание — неизменная тональность его переписки с Солженицыным, начавшейся после короткого личного знакомства. Переписка не была продолжительной, крайние ее даты: декабрь 1967-го — июль 1968-го. В архиве Яшина сохранились три письма Солженицына⁹, а также машинописный экземпляр «Письма IV съезду советских писателей»¹⁰. В архиве Солженицына в Троице-Лыкове обнаружилось короткая записка Яшина, новогодняя открытка с приложенной машинописью стихотворения и неотправленное письмо Солженицына. Еще одно письмо Яшина, о существовании которого известно из книги Н.А. Решетовской, обнаружить пока не удалось¹¹.

Известные нам письма дают общее представление о контактах двух художников. Главное здесь — горячая взаимная духовная поддержка: «Почувствуйте! — очень желаю Вам всяческого добра...» — концовка одного из писем Яшина. Солженицын, младший по возрасту, но прошедший к своему прозрению тюремными и лагерными тропами раньше, стал для Яшина *сратником* в самом первом значении этого слова. И прежде всего — в борьбе за саму жизнь, поскольку время их знакомства выпало на последний год жизни Яшина, когда у него была обнаружена раковая болезнь — еще одно испытание, преодоленное Солженицыным.

В какой именно день на исходе 1967 года и при каких обстоятельствах произошла встреча писателей, пока не удалось установить. Это могло произойти у кого-либо из общих знакомых: теплые отношения связывали Яшина в течение многих лет с семьей Чуковских¹², о близком общении с

⁹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32.

¹⁰ Там же. № 33.

¹¹ См.: Решетовская Н.А. Отлучение. М., 1994. С. 73–74.

¹² Об одном из посещений Яшина К.И. Чуковский пишет: «...Яшин прочитал четыре великолепных стихотворения, — таких глубоких и таких проникновенных, что у всех в комнате стали просветленные лица. Он вологодский крестьянин — у него крестьянское обличье, — и мне кажется, что в нем воплотилась красота духовной силы и ясности, свойственной так называемой «русской душе» (Чуковский К.И. Дневник: 1936–1969. М., 2011. С. 361 (запись от 17 февраля 1963)).»

ним воспоинала М.В. Юдина¹³, находим имя Яшина на страницах дневника А.Т. Твардовского¹⁴, младшим товарищем его был Б.А. Можаяев. Заочно Солженицын и Яшин были знакомы по крайней мере с 1962 года («Вологодская свадьба» вышла в свет в следующем номере «Нового мира» после «Одного дня Ивана Денисовича»). Описывая детали встречи Н.С. Хрущева с интеллигенцией в Кремле (март 1963), Солженицын упоминает имя Яшина в весьма выразительном (пожалуй, символическом) контексте, рассказе о погромном выступлении главного редактора журнала «Октябрь» В.А. Кочетова:

«Ещё прошёлсЯ Кочетов по «Вологодской свадьбе» Яшина, противопоставил такой пьянствующей деревне — просвещённую, ждущую журналов (его «Октябрь»), и закончил неудовлетворённо: — Не выбрасывать же со Сталиным и Советскую власть. Я приготовил другую речь, извините, прочёл эту.

Так понять: речь-то была — против «Ивана Денисовича»»¹⁵.

По записям в дневнике К.И. Чуковского от 5 и 7 марта 1963 можно предположить, что Яшин на встрече не присутствовал, т.к. не получил приглашения на этот «разгром литературы, живописи и кино в ЦК»¹⁶.

В отличие от закаленного ээка Солженицына, Яшин весьма болезненно переживал критику своих произведений в печати, а самым тяжелым для него было — продиктованное сверху обсуждение и осуждение его рассказов земляками-вологжанами¹⁷. *Переходный возраст* (так Яшин называл время укрепления собственного внутреннего жизненного и творческого стержня) ему помогла пережить родная деревня, где он стал подолгу бывать, построив себе уединенный домик в заповедном месте с изумительным названием — Бобришный Угор. Коротко наезжал в эти годы в Москву и Солженицын, вернувшийся к привычному для него быту писателя-подпольщика после недолгой поры официального признания. Известно, что писатели пересеклись в столице весной 1967 года: 30 мая Солженицын присутствовал на чествовании юбилея К.Г. Паустовского в Доме литераторов, на котором

¹³ Известно, что Юдина работала над воспоминаниями о Яшине, однако местонахождение рукописи не установлено. См.: Юдина М.В. Жизнь полна Смысла. Переписка 1956–1959 гг. / подгот. текста, вступ. ст., примеч. А.М. Кузнецова. М., 2008. С. 349.

¹⁴ См.: Твардовский А.Т. Новомирский дневник: в 2 т. М., 2009 (по указателю).

¹⁵ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 80.

¹⁶ См.: Чуковский К.И. Дневник... С. 364–365.

¹⁷ В центральной газете было напечатано письмо, подписанное участниками читательской конференции в библиотеке города Никольска Вологодской области. Зоотехник, тракторист и другие представители трудового населения возмущались нарисованной Яшиным картиной их быта: «Что за люди живут на родине А. Яшина? Воры, плуты, хулиганы, пьяницы — и ни одного честного человека... Как могла подняться у Вас рука, чтобы всех собравшихся на свадьбу вывести такими?.. Своей «Вологодской свадьбой» Вы нас кровно обидели. Через темные очки смотрите Вы на нашу сегодняшнюю жизнь» (Свадьба с дегтем: Открытое письмо писателю А. Яшину // Комсомольская правда. 1963. 31 янв.).

выступал Яшин¹⁸. За две недели до этого Яшин получил по почте экземпляр «Письма IV съезду советских писателей»¹⁹.

И все же личная встреча произошла, скорее всего, через полгода, когда баталии Солженицына с секретариатом Союза писателей, последовавшие за обнародованием «Письма...», были уже позади²⁰. Общее отношение руководства СП к Солженицыну наиболее четко сформулировал М.А. Шолохов, призвавший запретить ему прикасаться к перу²¹. Яшин, встретив, по-видимому случайно, опального писателя, горячо выразил ему свою поддержку. Он сообщает Солженицыну все возможные координаты для связи, настаивает на встрече. К новому 1968 году Яшин присылает Солженицыну поздравительную открытку с видами вологодского Кирилло-Белозерского монастыря, а также машинопись своего стихотворения 1966 года «Я обречен на подвиг...» — впоследствии ставшего одним из самых цитируемых его сочинений. Солженицын тепло ответил на поздравление, выразив надежду на встречу в близящемся новом году.

Однако наступивший год выдался для Солженицына не менее напряженным, чем предыдущие. Первые его месяцы были посвящены внесению поправок и созданию окончательной редакции «Архипелага ГУЛАГа», для этого писатель уехал сначала в Солотчу, затем — в Рождество-на-Истье: «...только «Архипелаг» вытянуть — надо было ни на час не разгибаться апрель и май. Лишь бы в эти два месяца ничто не ворвалось, не помешало!...»²² И все же в начале апреля произошло событие, на которое он не мог не откликнуться: в литературном приложении к лондонской газете «Таймс» по-английски напечатаны главы «Ракового корпуса».

Вместо ожидаемого публичного покаянного письма (такие письма составляли некоторые писатели, чьи книги тем или иным образом утекали на Запад), Солженицын составляет новое обращение к собратьям по перу. Он рассылает 50 машинописных экземпляров истории своего противостояния правлению Союза писателей: изложение заседания секретариата СП СССР 22 сентября 1967 (выдержанного им «Бородинского» сражения) с приложением своих писем в этот орган от 12 сентября и 1 декабря 1967, а также текст ответа одного из секретарей, К.В. Воронкова, от 25 ноября 1967, со-

¹⁸ См.: Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. М., 1997. С. 439.

¹⁹ Съезд проходил 22–27 мая 1967 года.

²⁰ Собрания секретариата СП СССР 15 и 22 сентября 1967 года с обсуждением Солженицына он сам назвал «Шевардино» и «Бородино».

²¹ Письмо Шолохова было адресовано секретариату Союза писателей в связи с проходившим 22 сентября заседанием, посвященным обсуждению Солженицына; секретарь СП Шолохов на это мероприятие не прибыл. Текст письма см.: Шолохов М.А. Письма / РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Гос. музей-заповедник М.А. Шолохова. М., 2003. С. 389–390.

²² Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 199.

проводив эти документы необходимым объяснением²³. В числе адресатов — и Александр Яшин. Объемный конверт с этими материалами 17 апреля 1968 года Солженицын принес сам по домашнему адресу Яшина, однако надежда на встречу не оправдалась — Яшин был в больнице. Родные уже знали о его страшном диагнозе, однако знакомым говорили об осложнениях после простуды. Солженицын вложил в конверт записку со словами сожаления о не встрече и пожеланием «прочного выздоровления». Конверт был передан адресату через два дня, и Яшин тотчас ответил. К сожалению, нам известен лишь фрагмент этого письма, который цитирует Н.А. Решетовская: «На следующей неделе меня будут резать. Бесконечно жалею, что, видимо, так и не удастся нам поразговаривать до этого. Мне кажется, что этот разговор был бы хорошим. Почувствуйте! — очень желаю Вам всяческого добра — спокойствия, сдержанности, здоровья»²⁴.

Разговор этот так и не состоялся. Операция не принесла желаемого результата (как и еще две повторных). Солженицын узнал о степени серьезности недуга лишь летом. 10 июля он пишет Яшину ободряющее письмо, где сообщает о намерении посетить адресата в больнице. «Дорогой Александр Яковлевич! Мне передали, что Вы — в нелегком состоянии. Знаю я этот колодец, сам в нем был. Но все-таки неба кусочек оттуда виден, и даже ясней, резче, чем из рассеянного просторного мира. <...> Я приехал бы к Вам в больницу, если бы легко нашел туда доступ в немногие часы, когда буду в Москве (я здесь никогда не в силах задержаться). Я предполагаю быть 18-го июля, позвоню — и если сойдется, то приеду к Вам». К письму приложена записка жене Яшина: «Многоуважаемая Злата Константиновна! Это письмо посылаю на суд Вам. Если сочтете, что Александру Яковлевичу хорошо будет его прочесть — передайте... С глубоким сочувствием. *Солженицын*». Отправлять письмо Солженицын не стал. Едва окончив писать, он узнал от Бориса

²³ Тексты этих документов см.: Там же. С. 601–618.

Отметим здесь весьма печальный факт небрежного обращения с историческими источниками. Изложение заседания секретариата СП СССР 22 сентября 1967 года — живое и красноречивое свидетельство времени — часто используют в современных публикациях, когда речь идет об отечественной литературной среде тех лет. В одном методическом пособии по изучению в школе «Одного дня Ивана Денисовича» предложено даже организовать на уроке «импровизированное заседание Союза писателей СССР», состоящее из сокращенных выступлений участников заседания секретариата. В списке «действующих лиц» присутствует и имя А.Я. Яшина! Ему приписана гневная реплика с призывом изгнать автора «Пира победителей» из Союза писателей (!). В подлинном тексте изложения находим ее под фамилией *Яшен*, принадлежавшей одному из секретарей СП СССР, узбекскому писателю, лауреату и орденноносцу, депутату Верховного Совета Камиллю Яшену (1909–1997). Думается, что произошедшая путаница была неумышленной — публикаторы просто хотели уточнить личность самого непонятого участника обсуждения (впрочем, фамилии всех остальных тоже мало что говорят уму и сердцу современного читателя). И все же очень обидно, что олеветанным оказался горячо сочувствовавший Солженицыну писатель.

²⁴ *Решетовская Н.А.* Отлучение. С. 73.

Можаева, что Яшин очень плох; на следующий день Солженицын и Можаев поехали в больницу. Долго ждали, но не дождалось разрешения войти в палату. Опасаясь, что повидаться так и не удастся, Солженицын в больничном коридоре пишет новое письмо, надеясь передать его через Злату Константиновну, постоянно находившуюся рядом с мужем. Его текст в целом повторяет письмо, написанное накануне, однако получает новое окончание: увиденная из больничного окна колокольня храма Вознесения Господня в Коломенском символизирует ту устремленность ввысь, что заповедана всем живущим на земле.

В палату Солженицын вошел лишь после того, как больной скончался. Земной путь прозрения Александра Яшина завершился мирной христианской кончиной²⁵. Первую молитву о его упокоении вознесли самые близкие ему люди: по плоти и по духу. Письмо Солженицына осталось у жены Яшина и хранилось ею вместе с другими его письмами все время запрета писателя на родине. В 1990-х годах дочерью поэта Натальей Александровной Яшиной эти документы были переданы в фонд А.Я. Яшина в Ленинской библиотеке²⁶.

Ниже приводим тексты писем Солженицына и Яшина и стихотворение «Я обречен на подвиг...» — в архиве Солженицына оно сохранилось в редакции, пусть незначительно, но все же отличающейся от опубликованной в сборниках Александра Яшина.

²⁵ В последние годы Яшин вернулся к православной вере. Особую роль в этом сыграла М.В. Юдина. Она была рядом во время болезни, играла на похоронах. «...Я приняла близкое участие в болезни и смерти Яшина, он умер как мученик и праведник» (Юдина М.В. Вы спастесь через музыку: Литературное наследие. М., 2005. С. 200).

²⁶ В папке с письмами Солженицына имеется сопроводительная записка Н.А. Яшиной. Она сообщает о существовании письма от 10 июля 1968 года, но его местонахождение было ей неизвестно.

1. А.Я. Яшин — А.И. Солженицыну¹

[Декабрь 1967]

АД-1-92-48 раб. комната²

В-1-00-87

А.И. Мне мало такого знакомства на ходу.

АЯ³.

Ал-др Як. Яшин

Злата Конст <антиновна>⁴

¹ Архив А.И. Солженицына. Автограф А.Я. Яшина. Зеленая шариковая ручка.

² Ручкой Солженицына красной шариковой ручкой подписано: «Аэропорт».

³ Им же расшифрована фамилия: «Яшин».

⁴ Последние две строки — на обороте листа.

2. А.Я. Яшин — А.И. Солженицыну¹

27 декабря 1967

Дорогой Александр Исаевич!

Примите мои новогодние поздравления и одно новогоднее стихотворение². Мое. Вам.

Александр Яшин

Я обречен на подвиг
И некого винить,
Что свой удел
свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв, как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор

О доблести, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чую сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
В зубах клинок держа.

1966 Александр Яшин³

¹ Архив А.И. Солженицына. Открытка с цветной фотографией Кирилло-Белозерского монастыря. Автограф А.Я. Яшина. Синяя шариковая ручка. Почтовый конверт не сохранился.

² Приложены 2 л. с машинописным текстом стихотворения. Опубликовано впервые в сборнике Яшина «День творения» (М., 1968), который вышел в свет вскоре после кончины автора.

³ Подпись синей шариковой ручкой. Ниже помета рукой Солженицына: «Прислано к 1.1.68».

3. А.И. Солженицын — А.Я. Яшину¹

3 января 1968

Дорогой Александр Яковлевич!
Душевное Вам спасибо за стихотворение! И за поздравление.
Отдариваться вот не умею (некогда было в жизни привыкнуть) — а поздравляю встречно Злату Константиновну и Вас!
Пусть Наступающий не будет слишком злым!
Тогда мы в нем увидимся и побеседуем без гонки.
А в Кирилло-Белозерском и в Ферапонтовом я бывал (два года назад).
Вологду же — смаху, и посмотреть не успел².
Крепко жму руку!

А. Солженицын

Мой истинный адрес:
Рязань, 12
проезд Яблочкова 1, кв. 11

¹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32. Письмо в почтовом конверте. Автограф А.И. Солженицына. Черная шариковая ручка. Л. 1 — конверт, л. 2 — само письмо. На конверте адрес получателя: «Москва Ж-17, Лаврушинский пер. 17, кв. 102. Яшину Александру Яковлевичу». По получении Яшин сделал помету синей шариковой ручкой: «9/1 68 г. А. Яшин». Позже в правом нижнем углу подписал голубой ручкой: «от Солженицына А.Ис.» Два почтовых штемпеля: отправителя — Рязань, 4.1.68; получателя — Москва, 8.1.68.

² Десятидневная поездка Солженицына на Север в июне 1966 года была частью его работы над «Архипелагом ГУЛАГом». Главной целью этого путешествия был Беломорканал.

4. А.И. Солженицын — А.Я. Яшину¹

17 апреля 1968

Дорогой Александр Яковлевич!
Вот теперь-то, при передаче Вам этой переписки², я и надеялся с Вами встретиться — а Вы в больнице. Хочу надеяться, что — несерьезно. Желаю прочного выздоровления!
Всего Вам доброго и лучшие мои пожелания Злате Константиновне!
Крепко жму руку!

А. Солженицын

¹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32. Л. 5. Записка. Автограф А.И. Солженицына. Черная шариковая ручка. Вложена в белый конверт (л. 4) с машинописными документами (см. при-

меч. 2 к этому письму). Почтовые штемпели отсутствуют. Адрес получателя напечатан на машинке. Рукой Яшина простым карандашом помечено: «19/IV 68 г. Онкол <огический> ин <стигу> т».

² Там же. Л. 7–17. Машинопись: обращение Солженицына к члену Союза писателей от 16 апреля 1968, письмо в секретариат от 12 сентября 1967, изложение заседания секретариата 22 сентября 1967, ответ К.В. Воронкова от 25 ноября 1967, письмо Солженицына от 1 декабря 1967. На первом из этих документов — рукописное обращение к А.Я. Яшину и подпись Солженицына синей шариковой ручкой.

5. А.И. Солженицын — А.Я. Яшину¹

11 июля 1968

Дорогой Александр Яковлевич!

Не было меня в Москве, а теперь я поздно пришел: Вы без сознания, и меня не смогли к Вам допустить.

Я надеюсь всё-таки, что Вы прочтете это письмо.

Знаю я этот колодец, сам в нём был. Но всё-таки неба кусочек оттуда виден, и даже еще ясней, резче, чем из рассеянного просторного мира.

Сказали мне, что именно это зрение у Вас сейчас и обострилось. Я душевно этому рад. Для обоих выходов из болезни это нужно, и даже трудно сказать, для какого больше. С возрастом ощущаю: всё менее ценным то, за чем мы гонялись, всё более дорогим духовное зрение.

Из окна Вашей палаты видна одна из самых дорогих русскому сердцу церквей. Я вижу её и из коридора, из которого пишу. Она вытянута к небу и напоминает нам о том развитии, для которого только и дана нам земная жизнь, да не всегда мы успеваем её пройти. Но никакое прозрение здесь не поздно никогда.

Я молюсь за Вас и дружески Вас обнимаю. Автор «Рычагов» навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули.

Искренне Ваш

А. Солженицын

¹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32. Л. 6. Автограф А.И. Солженицына. Синяя шариковая ручка.

«МНЕ ПРЕДСТОИТ НЕЛЕГКОЕ С ВАМИ СОСТЯЗАНИЕ»:

Ирина Николаевна Медведева-Томашевская
(1903–1973)

Среди *невидимок*, мужественных помощников Солженицына в годы его запрета и преследования на родине, были и выдающиеся отечественные ученые. Важной составляющей их поддержки писателю, лишенному возможности работать в библиотеках и архивах, было предоставление необходимых исторических справок и публикаций. Дополняли эти материалы устные рассказы — мало кого в академической среде не коснулись лично темы, которым посвятил свое творчество Солженицын. К таким людям принадлежит и И.Н. Медведева-Томашевская, не по книгам знавшая правду о жизни новгородской деревни в 1920-х годах, раскулачивании ее в 1930-е, выселении татар из Крыма в 1944-м. Филолог, автор значимых научных трудов, И.Н. и сама взялась за работу, которая, по сути, стала частью *опыта художественного исследования* Солженицына.

Подлинная история создания и бытования романа «Тихий Дон» — еще один пример гибели в жерновах советской идеологической машины живого роста отечественной культуры. Его настоящий автор — еще одна *черная бабочка копоты*, вылетевшая из трубы поглотившей страну лубянской печи¹. Задача, которую поставила перед собой И.Н., состояла, по ее собственным словам, в *раскрытии исторической правды*. Решить ее она бралась привычными профессиональными средствами текстологического, лингвистического и исторического анализа. Нет нужды пояснять, что в конце 1960-х – начале 1970-х годов никаких внешних пособий для проведения такой работы не было (судебную ответственность за сомнение в авторстве М.А. Шолохова, обещанную советскому читателю еще в 1929 году, в то время никто не отменял²).

¹ «О, сколько же гинуло в этом здании замыслов и трудов! — целая погибшая культура. О, сажа, сажа из лубянских труб!! Всего обидней, что потомки сочтут наше поколение глупей, бездарней, бессловеснее, чем оно было!..» (Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М., 2006–... Т. 4. С. 134).

² Открытое письмо в редакцию газеты «Правда» за подписью верхушки советской писательской номенклатуры (А.С. Серафимовича, Л.Л. Авербаха, В.М. Киришона, А.А. Фадеева, В.П. Ставского) было опубликовано 29 марта 1929 года. Помимо грозного предупреждения читателю, в тексте письма присутствует характерный призыв: «Чтобы неповадно было клеветникам и сплетникам, мы просим литературную и советскую общественность помочь нам в выявлении “конкретных носителей зла” для привлечения их к судебной ответственности».

Многие добытые для И.Н. документы нужны были и Солженицыну для работы над «Красным Колесом»: немало сюжетных линий эпопеи имели точки пересечения с исследованием И.Н. Возникло настоящее сотрудничество, сороботничество. Или, как скажет впоследствии И.Н., *состязание*. Она работала с открывающимися материалами как ученый, Солженицын — как художник. Высшая точка притяжения — личность Федора Дмитриевича Крюкова (1870–1920). И.Н. слышала это имя в связи с «Тихим Доном» еще с 1940-х годов, для Солженицына оно было совсем новым. В 1969 году у него появилась возможность познакомиться с уцелевшим после революции архивом Крюкова (не только познакомиться, но и спасти его от исчезновения⁴⁴). В нем было множество рукописей, так или иначе связанных с темой романа. Однако невозможно было представить, как из этого хаотичного множества, пусть талантливых, но небольших очерков и записок могло вырасти столь масштабное эпическое произведение. Солженицын, сам работая в это время над эпопеей, не мог нащупать и почувствовать такой замысел в рукописях Крюкова. И.Н., изучив материал, напротив, окончательно утвердилась, что подлинный автор «Тихого Дона» — Крюков. Она, всегда твердая в своих убеждениях, взялась доказать это научными методами.

Сохранилась копия ответа Солженицына на присылку И.Н. в декабре 1972 года законченной главы исследования (не менее 75 рукописных страниц), которую писатель прочел «с упоением и светлой радостью». Уже в этих первых результатах он увидел бесспорный успех работы И.Н. К письму Солженицын приложил перечень замечаний и поправок — все фактологического свойства (в это время он вовсе писал «Октябрь Шестнадцатого», где в повествование вошла донская тема, весьма тщательно проработанная). Письмо Солженицын заканчивает обещанием: «К осени 73 г. представлю Вам несколько глав своих о Феде⁴⁵ — каким он был осенью 16-го... Исхожу из подразумеваемой возможности, что в нем зреет роман. Вообще в 73-м надеюсь увидеться с Вами, прочесть Ваше дальше».

По-видимому, встреча и знакомство И.Н. с избранными главами «Октября...» произошли раньше, в апреле 1973-го она уже откликается на этот текст: «13-я и 14-я (ф)⁴⁶ — большая удача Ваша, и я счастлива, что мне дано ее оценить как читателю. В 13-й Вам удалось в художественно сильном сгустке дать то главное, чем богат <Крюков>...» Далее И.Н. делает критические замечания по прочитанным главам, а также высказывает соображения о разных исторических персонажах, как всегда тщательно их обосновывая.

⁴⁴ Историю архива Крюкова см.: Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 584–586.

⁴⁵ Федор Ковынёв — персонаж «Октября...», прототипом которого послужил Ф.Д. Крюков.

⁴⁶ Главы второго Узла (в окончательной редакции — 15 и 16). «Ф» — фрагментная глава, извлечения из записей и очерков Крюкова.

А.Я. Яшин. Москва. 1960-е годы

ng
АА-1-92-48⁵⁸
раз. ком. [unclear]
[unclear]
В-1-00-87
А.И.
Мне надо
заказать 3 пакета
для работы -
[Signature]
(Яшин)

Записка А.Я. Яшина
А.И. Солженицыну.
Москва. [Декабрь 1967].
Листок из блокнота. 10×7 см.
Зеленая шариковая ручка
Архив А.И. Солженицына